

ГОНИЁК

47 НОЯБРЬ 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

МНОГОГОЛОСЬЕ

ЗАМЕТКИ О БРАТСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ РОССИИ

Юван Шесталов, поэт небольшого народа манси, многие века потерянно жившего в северной сибирской тайге, известен по переводам на русский В. Цыбина и Н. Старшинова, Винокурова и И. Фонякова, Н. Грудиной, Португалова и других поэтов. Кто следил за творчеством Ю. Шесталова, не мог не заметить, что его стихи, поэмы рождены глубоким поэтическим вдохновением; время запечатлено в них как бы в трех направлениях. Но что же удивительного, могут сказать: кто из поэтов не пишет о прошлом, настоящем, будущем? Пишут-то многие, а не каждому дано соотносить с изменчивым временем судьбу народную и выразить это с удивительной цельностью в большом поэтическом полотне.

По разрозненным произведениям Ю. Шесталова можно было догадываться, что он на подступах к эпическому замыслу. И вдруг читанные ранее стихи и отрывки прозы поэта заиграли новыми красками. Горсть самородных алмазов, крупных, мелких и даже совсем бисерных, обработанных рукой чуткого мастера, обернулась поистине сказочным богатством. Произошло это в «Языческой поэме» (издательство «Современник», 1971 г.).

«Языческая поэма»? Если название принять и как определение жанра, то оно будет весьма условным. Перед нами редкое явление в развитии современных национальных литератур: явление эпоса.

Что это: странная случайность или логическая, объективная закономерность?

И случайность, как категория, имеет свою логику. Следуя ей, мы должны были бы признать «случайными» древние русские былины, «Слово о полку Игореве», сказания о нартских богатырях, «Джангар», «Калевипоэг», наконец, «Витязь в тигровой шкуре», «Песнь о Гайавате» и т. п.

С другой стороны, нельзя представить себе рождение эпоса у народа, не имеющего большой и трудной судьбы в истории. Войны, победы и поражения, борьба с дикими силами природы, добывание хлеба насущного, постижение великих таинств — тьмы и света, земли и неба, любви и ненависти, горя утрат и счастья материнства — все это осмысливалось народным сознанием и зернами истины в мифах и легендах, заветах и заклиниях, здравницах и песнях, в пословицах и поговорках, наконец, языком танца, языком материальной культуры передавалось от поколения к поколению. Не было письменности, но были мудрейшие, ведавшие слово предков, и их-то как зеницу ока оберегало издревле общество, опираясь на свои строгие и непреложные обычаи и законы.

Это сама истина, что так бережно сохранялись и через новые радости и страдания народные множились нравственные, духовные ценности — истоки силы и здоровья народов. Так или иначе, но завещанная потомкам

культура жила в манси. И пришло время, когда поэтический по характеру народ дал поэта, чье творчество впитало все многообразие чувственного и нравственного восприятия манси окружающей жизни, природы. Однако вряд ли Ю. Шесталову удалось бы создать «Языческую поэму», когда бы время его рождения не пришлось на пору появления письменности манси, на пору социального обновления жизни небольшого народа при братской поддержке других народов, на пору приобщения самого поэта к великой русской культуре, к культуре всего человечества. Познание материалистической философии дало поэту ключ к пониманию многосложности связей в природе и обществе.

В преданиях манси лесная фея Миснэ — символ добра и красоты, удачи и счастья, символ самой поэзии. Осмысливая через этот фольклорный образ природу как понятие, неразрывное с понятием Родины, Юван Шесталов раскрывает нам сокровенное:

В сердце матери сердце родилось мое,
В сердце доброй Миснэ сердце родилось ее,
В сердце народа родилось сердце Миснэ
лесной,
А сердце народа родилось в сердце земли
родной.

Строки эти как маленький родничок, с копытце лесной лани, из которого идут, ширясь и разветвляясь, поэтические струи, сливающиеся в творчестве Ю. Шесталова в полноводную реку эпической поэзии манси.

Ныне и судьба родного народа по-новому осмыслена Ю. Шесталовым. «Кто говорит, что народ мой умрет или растает, как вешний лед, или вода с берегов его смое? Кто говорит такое?» — спрашивает он. Люди не лед, не вода, каждый человек останется жить в своих делах и своих песнях.

Если же так, то умрет ли народ мой,
скажите?
Будет он жить, жить, жить!
Или растает народная песня, скажите?
Вечно ей жить, жить, жить!

Ведущая мелодия поэмы исполнена оптимизма, светлой веры в грядущее:

Где-то под солнцем зры чудесной
Жить я останусь кровью и песней,
Я — кареглазый, я — смуглокожий!
Манси — с собою, сегодняшним, схожий!

Отсюда и сама «Языческая поэма», говоря словами ее автора, воспринимается как «песни возрожденного народа». В них запечатлен поэтический склад души манси — мужественных тружеников земли: и тех, кто добывает рыбу и лесного зверя, и тех, кто дает жизнь промыслам нефти и газа.

Тема кровной связи с русским народом и любви к нему проходит через все творчество писателей национальных советских республик.

О том, как много дала ему Россия, Ю. Шесталов рассказывает в одноименной главке своей поэмы. Рассказ непретенциозен, прост и лиричен, хотя полон и чувства собственного достоинства и гордости оттого, что жена поэта — русская. А вот и еще счастье: родилась дочка. Она

... в глаза мои заглянет,
Начнет язык мой понимать...
Пусть, как Россия, доброй станет
И очень ласковой, как мать.
И пусть еще такое будет:
Две крови в ней одной живут,
Пускай ее мансийкой люди
И россиянку зовут!

К таким чистосердечным стихам комментарии излишни.

У Софрона Данилова в романе «Бьет сердце» есть сцена отъезда коммуниста Всеволода Левина из Якутии в Томск (было это вскоре после разгрома остатков белогвардейщины в Якутии). Левин уезжал с молодой женой-якуткой и сыном. (Кстати, еще до замужества Ааныс спасла Левина от верной смерти, это-то и сблизило их.)

Председатель Совнаркома Якутии Максим Аммосов, узнав, что Левин — учитель, и видя, что того уже никакими уговорами в Якутии не удержишь — на узелках сидит, обращается к жене Левина:

«...Говорят люди, — вот слушай меня, Ааныс, — говорят, что бывает на свете такая любовь, сильнее которой ничего нет. Она и приказов сильнее и всяких постановлений. А что если и твоя такая? Взять бы тебе да и приказать ему любовью своей: останемся в Якутии!.. Если удержишь, от имени Совнаркома Якутской Автономной Республики поклонюсь тебе в ноги».

А потом — Левину, говорит ему как коммунист коммунисту: «Нигде ты не будешь нужнее людям, чем здесь».

На этих словах Аммосова стоит остановиться. Еще бывает в литературе, что силы, талант, время — ничем не восполнимое время работы писателя — отдаются героям, которые на протяжении сотен страниц заняты метаниями и сомнениями, часто надуманными, и все ради цели: как найти свое место в жизни. И когда, наконец, такой герой найдет и цель и место, когда, кажется, только бы и начаться роману, читателю останется перевернуть последнюю страницу... А дальше показать, может быть, самое важное, самое трудное в жизни героя — его работу — не каждому автору по плечу.

Словами Аммосова — «нигде ты не будешь нужнее людям, чем здесь» — Софрон Данилов начинает жизнь своих героев. В этих словах — мера их поступков, выражение их нравственной зрелости и убежденности.

Интересна судьба молоденькой Саргыланы, мечтавшей стать учительницей.

Отец-чиновник хотел бы видеть свою Саргилану «большим человеком» — при должности в аппарате или научным работником, когда «будь ты хоть олух олухом, а все равно станешь продвигаться со ступеньки на ступеньку...». Что ж, не новое выражение мещанства.

И как легко с ним бороться абстрактно! И как трудно, когда возражать надо отцу, которого практически переубедить невозможно.

Но есть еще одна родственная связь — она проходит через душу и сердце Саргыланы и крепче пуповины связывает ее с якутским народом, рождает в ней гордость оттого, что она нигде не будет так нужна людям, как здесь, в далеком наслеге Арылах, учительницей. Это духовная связь со своим народом. Без нее порвалась бы нить, связующая поколения.

Роман Софрона Данилова — о наших днях, о трудовых буднях социалистической Якутии. Нелегкая в своей обыденности и повседневности, работа сельского учителя приобретает высокий смысл и становится работой поистине творческой и вдохновенной, когда она направлена на воспитание чувства патриотизма и любви к родному краю, ко всему нашему Отечеству. А учениками учителей — героев романа «Бьется сердце» — были те, кто еще несколько десятилетий назад сел за парту и написал слова Ленин, Октябрь, Революция, смысл которых впервые был постигнут на полях гражданской войны; сели за парту и их дети — герои Великой Отечественной войны; и никогда с тех пор, как открылись двери школы, не смолкали в ней радостные и возмущенные голоса детворы. Поколение за поколением оставляет свой след в сердцах учителей, унося с собой частицу их жизни, тепло их души, их знания, опыт — все, что становилось затем в сердцах юных бесценным духовным капиталом социалистической нравственности и гражданственности.

Характеры героев С. Данилова — Сергея Аласова, Саргыланы, семьи Левиных, Кубарова — глубоко индивидуализированны, национальны в своей самобытности и, что очень важно, не замкнуты в национальной ограниченности. Интересы героев неразрывны с интересами народа, а это делает их близкими и понятными широкой читательской аудитории других языков и народов. Сегодня из опыта национальных литератур уже очевидно, что, воспевая народные судьбы, художник может достичь таких высот мастерства, когда национальное в его творчестве становится интернациональным. Это, вероятно, и следует иметь в виду, когда мы говорим о зрелости литератур.

Борьбе хакасского народа за социальную справедливость, за национальную независимость, за утверждение Советской власти в Хакасии посвящен роман Николая Доможакова «В далеком аале». Это первый национальный роман в хакасской литературе.

Н. Доможаков пришел в литературу как поэт в 1948 году с первым сборником — «Стихотворения». Затем последовали поэтические книги «Улусы поют», «Поет река Абакан», «Приглашение», многочисленные публикации в периодике.

Чем же объяснить, что первый национальный роман посвящен именно историко-революционной теме?

Быть может, как это ни парадоксально, и тем, что несколько десятилетий назад в Хакасии не было ни письменности, ни литературы. Самому Н. Доможакову, направленному колхозом в Минусинский педагогический техникум, потребовалось пятнадцать лет, чтобы стать кандидатом филологических наук. На богатые фольклорные традиции народа и устной поэзии Балтыжакова, Манаргина, Кокова, Аршанова в сознании поэта благотворно наложились опыт русской классики — от Пушкина, Лермонтова, Толстого до советских писателей — Шолохова, Серафимовича, Гладкова, Горького... И, например, влияние шолоховской «Поднятой целины» на роман Н. Доможакова совершенно очевидно.

Пафос переустройства старого мира на новый социальный уклад принес с собою двадцатипятилетний Давыдов в Гремячий Лог. Таким же пафосом в романе Н. Доможакова пронизана жизнь, работа русского кузнеца Федора Полынцева, случайно оказавшегося с семьей в далеком хакасском аале над Чобатом-рекой. В этой «случайности», вероятно, известная слабость романа, так же как, скажем, идейная установка «Поднятой целины» была бы исторически менее прицельной, когда бы Давыдов явился в Гремячий Лог ненароком, а не по долгу своей партийной совести, не по призыву и поручению партии. Это тем

более важно отметить, что в романе Н. Доможакова на образе Федора Полынцева и его жены-учительницы решаются еще и проблемы национальной политики партии, принципы которой — равноправие, дружба, братская взаимопомощь народов.

События в романе относятся к 1920—1921 годам. Недобитые баи, кулаки, их прихвостни, остатки колчаковских банд скрываются в тайге, тайно готовя мятеж. Матерый враг большевизма Пичон Почкаев, прикинувшийся при Советах смиренной овечкой, по-прежнему, как и до революции, эксплуатирует бедных, забытых хакасов. Он даже избран председателем аалсовета.

— Я был вашим благодетелем раньше, — объясняет Пичон аальчанам, — и теперь им останусь, только по новой власти надо, чтобы я назывался председателем аалсовета.

На самом же деле Почкаев спит и видит себя в кресле президента «отделенной Хакасии», пытается для этого наладить связь с бароном Унгерном, освободить из тюрьмы белогвардейское офицерье, сеет среди хакасов рознь и ненависть к русским и к большевикам.

В такой обстановке революционность, партийность Федора Полынцева, его личное обаяние, волевой характер и то, наконец, что он человек вещественного труда — кузнец, сближают его с бедняками-хакасами. С ними Федор организует комитет бедноты, который забирает у Почкаева заработанное бедняками и раздает им — и все это от имени Советской власти. И вот тогда сущность новой власти понимают и старик Хоортай, весьма уважаемый в аале человек, его сын Сагдай, отчаянный Сабис, охотник и следопыт Кормас и другие аальчане; тогда же становится ясно, что торжество советского строя в Хакасии предпрешено. Разгром белобандитов в тайге отрядом красных бойцов Жаркова воспринимается как логическое, неминуемое крушение антинародных, националистических замыслов Пичона Почкаева и ему подобных.

События, описанные Н. Доможаковым, имели решающее значение для судеб хакасского народа, и это главная причина того, что первый хакасский роман посвящен историко-революционной теме. Написанный динамично, с острым сюжетом, с подробным описанием природы и бытовых сцен, роман глубоко психологичен. Через образы юной Марик, влюбленного в нее Сабиса, его сестры Кнай и трагически погибшей дочери Полынцева Зои роман устремлен в будущее, к сердцам молодых читателей. В этом тоже его достоинство. Выражая на национальном материале нравственно-этические ценности, роман интернационален по сути своей и в развитии национальных литератур России — явление закономерное.

Советская многонациональная литература освоила и творчески развивает метод социалистического реализма. Развитие нашей многонациональной литературы позволяет утверждать, что интернациональный характер литературы является важной чертой этого метода. Интернациональное зиждется на идейном и художественном отборе материала, на художественном утверждении лучших черт национального характера, национальных народных устремлений, на выражении духовной зрелости нации, народа. Интернациональный характер литературы социалистического реализма еще и в том, что национальные литературы утверждают и принимают для себя за высокий образец нравственные идеалы других народов. Особенно яркое выражение этого в утверждении принципов революционности, пролетарского интернационализма, братства и дружбы народов. И есть для советских писателей образ, наиболее дорогой и близкий всем народам, который на века останется высочайшим примером человечности, гуманизма, партийности, интернационализма и патриотизма. Это образ В. И. Ленина.

Поэты, акыны, ашуги, аксакалы, народные сказители на всех языках и наречиях воспевали и воспевают вождя. Хочу привести здесь хотя бы один пример — из стихов лауреата Государственной премии РСФСР имени Максима Горького татарского поэта Сибгата Хакима: «Письмо Ленину от крестьян деревни Кокушкино».

С. Хаким говорит о крестьянском, народном восприятии Ленина, опираясь на бытовые детали, ведь в Кокушкино, как известно,

...Владимир Ильич
Жил в начале пути своего,
И в историю века вошла
Эта первая ссылка его.

Не забыли об этой поре
Деревенской земли старики,
Ветви зимних склонившихся ив,
Берега занесенной реки.

Да, наверно, он помнит и сам, —
Быть не может, чтоб он позабыл, —
Как с народом тогда толковал,
Как по нашим тропинкам ходил.

Без нажима и приземленности поэт раскрывает сущность той степени родства, которая исстари бытует в народе среди земляков. Да и эти слова — «Быть не может, чтоб он позабыл, как с народом тогда толковал» — дальнейшей ситуации (у крестьян нет хлеба нет лошадей, а без лошадей им не вырастит и новый урожай) обнаруживают социальный нравственный и, если хотите, политический смысл этого напоминания: наверняка Ленин тогда говорил, что освобожденные от ига эксплуатации народы будут по-братски помогать друг другу.

Крестьяне пишут:

...В этот черный, засушливый год
Не видали мы вовсе дождей;
Вместо хлеба и вместо овса
На полях лебеда и пырей.

Сладить с горькою этой бедой
Нам одними руками невмочь —
Только лошадь, лишь лошадь одна
Может вызволить нас и помочь.

Слух прошел, что Советская власть
Хочет в долг продавать лошадей.
Посодействуй, Владимир Ильич,
Всей крестьянской земле порадей...

Разве в этой, глубоко человеческой теплоте и искренности, с которой татарский поэт складывает слова обращения кокушкинских крестьян к Ленину, не сказывается истинно глубокий пролетарский интернационализм? Разве не очевидно, что интернационализм здесь неотделимо от самого метода социалистического реализма?! И разве не жизнеутверждающая концовка стихотворения, рисующая залитые солнцем поля, топот долгожданных коней, несущих счастье?!

Сам Ильич под уздцы их берет
И заводит их сам во дворы...
Сбылся сон твой, крестьянский народ,
Дожил ты до великой поры.

Не воротятся те времена,
Горе горькое скрылось вдали.
Широко ты шагаешь, страна,
Воплотившая счастье земли!

Максим Горький на Первом всесоюзном съезде советских писателей сказал: «Нам цель — организовать литературу как единую культурно-революционную силу».

Ныне эта задача выполнена многонациональными литературами России и всей нашей страны. Лучшие произведения российских прозаиков и поэтов — Р. Гамзатова, Ф. Алиевой, А. Кешокова, А. Абу-Бакара, А. Мартнова, С. Хакима, М. Карима, С. Данилова, И. Машбаша, К. Кулиева, Н. Доможакова, Г. Федорова, Ю. Рытхэу, Ю. Шесталова и многих писателей, вплоть до недавно вступившего на литературную стезю юкагира С. Нарилова, популярны в нашей стране и за рубежом.

Интерес к ним, постоянный и давний, в время растет. Его не объяснить «экзотикой». Целый ряд этнографических особенностей, диалектов быта, фольклор, характерное для каждого народа восприятие природы и окружающего мира создают национальный колорит произведений. Но дело литературы — человековедение. И если в этом литература любит даже самого маленького, народа сила, она и для других становится интересной, важной, необходимой. В этом ее интернациональный, общечеловеческий характер. Обнажившая художественную и социальную зрелость писателя, литература выражает духовную зрелость нации, народа. И вполне закономерно то, что пора зрелости братских литератур народов России исторически приходится на время небывалого подъема экономики и культуры всей Советской страны.

13(2)

